

К.О. Телин, А.В. Полосин

МЕДИАРЫНКИ: КРИЗИС ВМЕСТО СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние глобального информационного пространства. Авторы предполагают, что закономерности капиталистической экономики и имеющиеся в настоящее время тренды к трансформации этого ее сектора имеют далеко идущие социально-политические последствия, а предположения о создании «сетевого общества» или «империи» в стиле М. Хардта и А. Негри пока необоснованны. Вследствие этого существует объективная необходимость в исследовании актуальных аспектов развития и регулирования информационного пространства, в том числе с точки зрения прямых политических последствий. Основой методологии статьи является системный подход, при котором, однако, информационное пространство и медиасреда выступают в тесной связи с государственной политикой и действиями ключевых игроков капиталистической экономики. Вышедшие из-под регулирования и контроля медиарынки, с т.з. авторов, несут в себе серьезную угрозу для политической стабильности и формируют фундаментальный вызов для международных отношений и внутренней политики современных государств. Влияние рыночных механизмов и неолиберальных практик последних десятилетий «размывает» целостное понимание и восприятие информационной среды.

Ключевые слова: кризис, международные отношения, государственная политика, капитализм, информационное пространство, медиа, актуальные тренды, политика, коммуникация, глобализация.

Abstract. This article examines the modern state of the global information state. The authors presuppose that the regularities of the capitalist economy and the currently existing trends towards the transformation of this sector have far ranging sociopolitical consequences, and the assumption about the creation of “network society” or “imperia” in the style of Michael Hardt and Antonio Negri are not yet substantiated. As the result of this, there is an objective need in the research of the relevant aspects of development, as well as in regulation of the information space, including from the perspective of the direct political consequences. As the methodological basis the authors use a systemic approach, in which however, the information space and the media environment are in a close connection with the state policy and the action of the key actors of capitalist economy. Having left the regulation and control, the media markets, from the authors’ point of view, carry an urgent threat for the political stability and form a fundamental challenge for the international relations, as well as the domestic policy of the modern states. The influence of the market mechanisms and neo-liberal practices of the last decades “dilute” the integral understanding and perception of the information environment.

Keywords: Crisis, International relations, State policy, Capitalism, Information space, Media, Relevant trends, Politics, Communication, Globalization.

Масштабное изменение всей системы международных отношений уже ни у кого не вызывает сомнений. Если распад СССР и последовавшая за ним волна демократизации (зачастую демократизации совсем не добровольной) вызвали в западном мире ажиотаж, связанный с потенциальным укоренением однополярного мира, позволившего бы политически закрепить все тренды экономической глобализации, то уже к началу второго десятилетия двадцать первого века накопленных противоречий было достаточно, чтобы прийти к выводу – глобальная гегемония сегодня практически невозможна. Эффект, вызванный в мировой политике агрессией в Югославии, вторжениями в

Ирак и Афганистан, «арабской весной» и, в конце концов, нестабильностью на постсоветском пространстве, окончательно обрушил надежды США зафиксировать статус эффективного «мирового жандарма» и монопольного лидера планеты.

Вместо этого мы можем наблюдать восстановление состояния, которое в соответствии с классификацией **Мортон Каплана** [7, 6:182-183] можно было бы назвать «балансом сил»: Китай и Индия наращивают экономический и демографический потенциал, Европа пытается консолидировать свои политические институты, ищут новые траектории экономического роста Бразилия и Россия, неожиданно для многих оказавшаяся

в роли принципиального соперника западных держав. Подобная схема, в которой одновременно существуют как многополярные черты, так и внутренние процессы, запускающие инициацию будущего лидера, более века назад определялась как взаимодействие «великих держав»; многие государства стремятся к подобному статусу до сих пор – это видно как по риторике крупных политиков, так и по официальным документам доктринального характера. В ряде случаев это приводит к непосредственным конфликтам между государствами; в лучшем варианте все ограничивается лишь постепенным накоплением кризисных детерминант.

Вместе с тем, нынешняя конфигурация межгосударственного противостояния отличается от того положения, которое сопровождало мировое развитие на протяжении «долгого девятнадцатого века» (выражение **Эрика Хобсбаума** [5]). Бесспорны отличия экономического характера, очевиден разрыв в политической традиции и практиках электорального участия, а следовательно, и во всем внутреннем состоянии каждой из «великих держав»; однако еще более знаковым обстоятельством является полное отсутствие в современной ситуации каких-либо договоренностей и соглашений, подкрепляющих противостояние и тот самый «баланс сил».

У истоков «великодержавия» XIX-XX вв. стоял «Европейский концерт» и постепенное освоение странами Старого Света экономической мощи, поддерживавшей империалистические амбиции; ключевой акцент здесь, вероятно, стоит сделать на слове «постепенный». Для установления миропорядка, чьи детали окончательно проявились во время подавления восстания ихэтуаней («восстания боксеров») в Китае (1898-1901), потребовался именно «долгий девятнадцатый век»; для восхождения и краха биполярной системы хватило «короткого двадцатого»; современное состояние не имеет и тридцатилетнего исторического горизонта.

Подобное отсутствие фундамента под системой, уже сегодня де-факто заменившей собой прежнюю, Ялтинско-Потсдамскую конфигурацию, приводит к тому, что трансформация ми-

ропорядка не противостоит неопределенности в других сферах, а напротив, подкрепляет ее. Колебания в экономике, сталкивающейся с научно-технической революцией и постепенной деиндустриализацией в силу переноса производства в страны Юго-Восточной Азии, постепенно углубляют процессы распыления государственного суверенитета: все чаще корпоративные игроки практически сравниваются с национальным производительным потенциалом и социальным весом. Потому и возникла во время мирового финансового кризиса формула «too big to fail»: собственный капитал одной только Citigroup в 2014 году составлял 210 миллиардов долларов (сумма, сопоставимая с ВВП Ирландии или Португалии), а число ее сотрудников составляло около четверти миллиона человек (больше, чем население Бордо или Пскова). В таких условиях изменяются не только экономические реалии, но и распределение социального капитала между частными и государственными акторами. Все сильнее проявляются корпоративистские тенденции, а в литературе уже получили распространение антиутопии, где миром будущего заправляют именно корпорации («Киберпространство» **У. Гибсона**, «Лавина» **Н. Стивенсона**).

Одной из сфер, где влияние корпоративного сектора приводит к странным и непривычным для политической системы последствиям, является информационное пространство: уже сегодня оно трансформировалось настолько, что государственная политика в этой сфере как минимум не может оставаться в стороне от кооперации с частными СМИ. Общая аудитория изданий, контролируемых медиа-империей Conde Nast, еще в 2012 году превышала 100 миллионов человек по всему миру; News Corporation, холдинг, подконтрольный **Руперту Мердоку**, до реструктуризации 2013 года включал в себя таких монстров масс-медиа, как Fox News, The Wall Street Journal и The Times; компания Pearson PLC совместно с холдингом Bertelsmann контролирует крупнейшее в мире издательство Penguin. О многочисленных примерах агрессивной политики корпоративных игроков в отношении электронных СМИ не стоит и говорить – к примеру, один из крупнейших цифровых порталов Huffington Post был еще в 2011 г. приобретен компанией AOL.

Иллюзия свободы

Как указывает **Джон Кин** [4:30], происходящие в коммуникационной сфере изменения вызывают у многих политиков и даже экспертов чрезмерные реакции, граничащие то ли с воодушевлением, то ли с опьянением: кому-то новые формы социального контакта представляются «бульдозером, разравнивающим весь мир», кто-то активно развивает концепции «электронной демократии» и «электронного правительства», а бывший госсекретарь и нынешний кандидат в президенты США **Хиллари Клинтон** и вовсе высказала предположение о том, что цифровая революция даст «всем людям в мире равный доступ к знанию и власти». Отчасти, указывает Кин, такова судьба всех революционных изменений в области коммуникации: **Томас Карлейль** полагал, что печатный станок уничтожит монархический строй, а **Дэвид Гриффит** ожидал от кинематографа резкого поворота в сфере образования [4:17]. Сегодня, однако, подобный оптимизм наталкивается на ряд препятствий, не позволяющих столь оптимистично оценивать развитие медиарынков.

Во-первых, к числу таковых относится, собственно, рыночное понимание работы самих печатных и цифровых изданий: главным критерием эффективности их работы является прибыль, привлекательность для рекламных контрактов и возможность расширять свое присутствие в медийном пространстве, все чаще работающем по типично капиталистическим правилам. В современном мире пресса действительно становится чем-то вроде товара повседневного потребления, и в некоторых странах распространение даже печатных изданий все чаще следует вектору «пресса везде», однако последствия масштабного внедрения чисто маркетинговых ориентиров для развития «четвертой власти» нельзя недооценивать. Все чаще ориентация на продажи соединяется с логикой «infotainment» (представления информации как развлечения), ориентацией на шок, сенсационность и эпатаж; это серьезно расширяет нишу «желтых» изданий и снижает качество и объективность предоставляемой информации.

Во-вторых, нельзя не отметить, что «смерти» традиционных медиа из-за масштабного

развития новых средств коммуникации все-таки не происходит: наоборот, они начинают работать в тесном альянсе, далеко не всегда заметном и очевидном широкой публике. Солидарные действия СМИ в рамках подобной медиаконвергенции приводит к тому, что окружающая действительность не столько отражается в прессе, сколько трансформируется в самостоятельную реальность, открытый для интерпретаций и прочтений симулякр. Для значительного числа людей СМИ перестают быть посредником и становятся источником представлений о мире, его смыслах и значениях; как замечал **Норберт Болц**, даже сам контакт через медиaprостранство перестает быть ориентированным на смысл, а оказывается завязанным лишь на бесконечном повторении процесса «говорения» [1:25].

Ключевым страхом XX века было то, что смысловое пространство медиа окажется под пятой тоталитарного государственного контроля – однако в данном вопросе наблюдаются противоречивые тенденции, сами по себе являющиеся объектом серьезного интереса. С одной стороны, XX век, по выражению того же Хобсбаума, «заставил все правительства править» [2:87] – действительно, спектр средств, использующихся и поныне для стабильности государственного строя, значительно шире, чем в XVIII или XIX веке. С другой же стороны, под влиянием неолиберальной идеологии и корпоративистского курса последней четверти XX века сам потенциал государства оказался в значительной степени если не ослаблен, то рассредоточен, а полноправными политическими игроками стали структуры, ранее находившиеся в подчиненном по отношению к нему положении. Иначе говоря, число возможностей для слежки и подавления инакомыслия действительно возросло; однако параллельно с этим произошло рассредоточение субъектов, потенциально заинтересованных в такого рода контроле.

Серая зона кризиса

Фактически, внутри мировой экономики сегодня уже создан новый сектор, завязанный как на рекламных контрактах СМИ с корпора-

тивными структурами транснационального масштаба, так и на распространении собственно информационных и цифровых услуг; политические амбиции участников сектора вполне сообразны его социальному влиянию и хозяйственному потенциалу. Активы News Corporation оцениваются примерно в 50 млрд. долларов, корпорации Google превышают 130 млрд., активы еще одного гиганта, Comcast, – 150 млрд.; прибегая к уже использованной аналогии, по экономической мощи эти структуры можно сравнить с Уругваем, Венгрией и Вьетнамом соответственно.

При этом организованная анархия, существующая внутри медиарынков и лишь умножаемая благодаря многочисленным акционерным и финансовым связям, приводит к тому, что традиционными исследовательскими средствами внутри нее невозможно обнаружить ключевых субъектов; следовательно, созданное пространство существует за рамками обычных правил (в т.ч., зачастую, национальных юрисдикций) и без стройного регулирования со стороны мирового сообщества.

Кроме того, кризис внутри самого этого сообщества усугубляется тем, что наличие медиaprостранства приводит к крайне своеобразному распылению политики: она начинает реализовываться не только в многоакторном, но и фактически экстерриториальном режиме. Во-первых, это проявляется в том, что сегодня для участия в каких-либо конфликтах находится в его территориальных границах не обязательно не только сверхдержаве, но и влиятельному региональному игроку – и даже, при определенных условиях, государству, претендующему на подобный статус. К примеру, катарский телеканал Al Jazeera, лауреат премии фонда Рузвельта в номинации «Свобода слова и выражения», сегодня охватывает не только арабский мир, зону Ближнего Востока и Магриба, но также имеет полноценную англоязычную редакцию и даже подразделение, вещающее на сербском языке, – таким образом эмират пытается оказывать влияние на политику в Боснии и Герцеговине. Более очевидные примеры – политика КНР на африканском

континенте, действия России в Латинской Америке и, конечно же, последовательное вмешательство США и их союзников по НАТО в многочисленные вооруженные конфликты по всему миру (и на уровне финансирования, и на уровне пропаганды).

Во-вторых, зачастую информационное противостояние становится стержневым звеном межгосударственного конфликта – «холодная война 2.0» наиболее ярко проявляет себя в обмене пропагандистскими ударами и конструированием одинаково субъективной (и упрощенной) реальности в медиасреде. Возросший объем дезинформации, ложных событий и симулякров, никогда не имевших места в действительности, многие исследователи считают атрибутами специфической «информационной войны», однако в современных геополитических раскладах соперничество конкурирующих сторон принимает подобные формы все чаще. Даже события «арабской весны» дали многим экспертам повод заявить о попытке масштабного культурного сдвига в регионе Магриба – в многочисленных интерпретациях революционных потрясений совершенно явно прослеживался тезис о том, что социальный запрос и политические реалии Туниса, Ливии, Египта и Сирии практически не отличаются от европейского канона. Несоответствие подобной картины мира реальному положению дел практически не принималось во внимание «международным сообществом» – и действия в медиaprостранстве де-факто легитимизировали и коллапс ранее устойчивых режимов, и крах прежней схемы региональных взаимодействий.

Американский социолог **Крэг Калхун** замечает: транснационализация экономики наряду с распылением государственного суверенитета приводят к образованию внутри мирового хозяйства новых секторов, не подчиняющихся прежним форматам исследования и регулирования [3:257]; подобный процесс запускается и на уровне местных сообществ, и, как мы уже отметили, в глобальном медиaprостранстве, само существование которого представляет собой достаточно серьезную новацию. Однако, в отличие от многочисленных «кибер-оптимистов» и

альтерглобалистов, склонных к оптимистичным оценкам происходящего, Калхун замечает – по сути, «серые сектора» лишь усугубляют основные глобальные проблемы, поскольку никак не связаны даже неформальными нормами справедливости и отнимают ресурсы у традиционных и привычных институтов. Государственная информационная политика, к примеру, сегодня серьезно буксует и оказывается не в состоянии выполнять привычные функции консолидации и мобилизации; ужесточение пропагандистской риторики, являющееся примитивным ответом на этот вызов, лишь углубляет кризис идентичности и легитимности.

Современная медиасреда, вопреки ожиданиям, не представляет собой ни системы, ни единого целого – напротив, внутри нее до сих пор крепнут и усиливаются кризисные тенденции, периодически усугубляющие вполне реальные экономические и политические проблемы. Кому-то в этом видится сама логика «сетевое общества», кому-то – контроль со стороны гегемонов и сверхдержав, однако реальность, вероятно, гораздо проще: нерегулируемые рынки, благодаря иллюзиям последних десятилетий превратившиеся из «четвертой власти» в совершенно обособленное пространство, попросту не могут существовать иначе.

Библиография

1. Больц Н. Албука медиа.-М.: Европа, 2011. С. 21.
2. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир – М. ИИГ, 2013. С. 67.
3. Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. Сборник статей. — М.: ИИГ, 2015. С. 78.
4. Кин Джон. Демократия и декаданс медиа. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 65.
5. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991).-М., 2004. С. 54.
6. Цыганков П.А. Глава 6. Международная система // Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2003. С. 34.
7. Morton K. System and process in international politics. — ECPR Press, 2005.

References (transliterated)

1. Bol'ts N. Azbuka media.-M.: Evropa, 2011. S. 21.
2. Derlug'yan G. Kak ustroen etot mir – M. IIG, 2013. S. 67.
3. Est' li budushchee u kapitalizma? // I. Vallerstain, R. Kollinz, M. Mann, G. Derlug'yan, K. Kalkhun. Sbornik statei. — M.: IIG, 2015. S. 78.
4. Kin Dzhon. Demokratiya i dekadans media. — M.: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki, 2015. S. 65.
5. Khobsbaum E. Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991).-M., 2004. S. 54.
6. Tsygankov P.A. Glava 6. Mezhdunarodnaya sistema // Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. — M.: Gardariki, 2003. S. 34.
7. Morton K. System and process in international politics. — ECPR Press, 2005.